

Александр А. Локшин

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

2016

Arcus NY Publishing

© 2016 Александр А. Локшин

ISBN 978-1-329-83922-9

Александр А. Локшин родился в 1951 году, живет в Москве, преподает математику в пединституте. Сын композитора Александра Лазаревича Локшина. Автор сборника стихов «Болтовня глухонемых» (2003, 2015)

Содержание

1. Предисловие	5
2. Птичий человек.....	8
3. Реинкарнация.....	10
4. Бесследное исчезновение.....	14
5. Страх.....	17
6. Старик в автобусе.....	20
7. Бегство.....	22
8. Любитель чтения.....	26
9. Я никогда не выхожу на балкон.....	29
10. Приключение.....	30
11. Животное.....	34
12. Господин Зусман.....	38
13. Банкет.....	40
14. Предбанник морга.....	45
15. Анекдотический человечек.....	48
16. Вечерняя музыка.....	52
17. Любовь-2.....	56
18. Завтрак на траве.....	60
19. Яблоко.....	64
20. Застолье.....	67
21. Жизнь продолжается.....	71
22. Момент узнавания.....	75
23. День Мучителя.....	78

24. Мечь.....	81
25. Окно.....	84
26. Разочарование.....	87
27. Пробуждение.....	90
ОЧИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА (три пьесы и документ общественной важности).....	92

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать предисловие к книжке рассказов Локшина – сложная для меня задача. Во-первых, потому, что я знаю автора не один десяток лет, а во-вторых, рассказы до того короткие, что желательно уложиться в несколько строчек, иначе оно (предисловие) сразу “перевесит”...

Автором создан, на мой взгляд, оригинальный жанр: я назвала бы его “характеристические (мгновенные) зарисовки”. Это короткие отрывки, лаконично и концентрированно изложенные – в одном, сразу узнаваемом стиле. Как сказал бы поэт: "Он (автор) нашёл свою Ноту". Или: "Имеет свой Голос". Так как я не литературовед, то аналогов не искала, но они сами нашлись: Сологуб, Набоков, Зощенко... Ещё мне спонтанно приходит на ум "Голубь" Патрика Зюскинда. Очень свой юмор, от которого вовсе даже

не весело. Герой – который и не герой совсем, а скорее антигерой. Пожалуй, можно добавить, что продолжена гоголевская тема "маленького человека". И еще: сюжет многих рассказов как бы балансирует на очень тонкой грани между действительностью и сном.

Рассказ "Вечерняя музыка" был впервые опубликован в электронной версии журнала "Этажи" (2015, №1), а почти все остальные рассказы – в "Мастерской" Евг. Берковича в 2015-2016 гг.

Думаю, оценку в предисловии давать неуместно. Книжка – вот она у вас в руках. Вперёд!

Елена Кушнерова

Баден-Баден

14 января 2016

РАССКАЗЫ

ПТИЧИЙ ЧЕЛОВЕК

История эта, в отличие от того, что пишут многие, – чистая правда, и ничего в ней не придумано. Другой бы, может, на моем месте наворотил с три короба, нафантазировал бы то, чего не было. А я, вот, с детства врать не приучен.

А дело было так. Собрался мой начальник меня уволить, чем-то я ему не угодил – уже не помню. Чтобы перестал я быть высоконаучным специалист-инженером, а стал обыкновенным пришибленным неудачником, что вы и наблюдаете...

И вот, незадолго до всех событий, решил я как-то пройтись по парку, недалеко от дома, чтобы в мыслях прояснилось – как жить дальше и к чему стремиться.

Иду я и вижу – в траве сидит птенчик неизвестной мне породы и пищит, и никто не прилетает его кормить и никакая птица не обращает на него внимания. Короче, походил я вокруг, да и забрал его к себе.

И дал я ему имя Птичий Человек (а короче – просто Птичий), и он, несмотря на свою маленькую головку, тут же свое имя выучил. Вытяну я свой указательный палец, позову

его - Птичий, Птичий! – он тут же выбегает из-под дивана и вскакивает обеими своими когтистыми ручками на мой палец. Еще ходил я с ним гулять: я иду – а он у меня на пальце сидит; прохожие удивляются, интересуются, как такое может быть.

Но кормить его – это было, конечно, мучение. Ничего, кроме червей, не ел. И приходилось мне бегать как сумасшедшему, копать ему червей в том самом парке, где я его нашел. Тонких червей он сразу заглатывал, а толстые иногда обратно из клюва вылезали.

А хранил я накопанных червей в целлофановом пакете, в холодильнике. Как-то раз, помню, плохо завязал пакет, и черви по всему холодильнику разбежались.

Никому про этих червей я, конечно, не говорил – а то засмеют еще: нашел чем заниматься!

И тут как раз подошла моя очередь на работе отчитываться, что я полезного и высоконаучного за много лет сделал. Ну, отчитался я не хуже, чем другие. Чертежи, графики – все как положено.

А начальник мой слушал, слушал – только кривился. И потом говорит (а был он большой мастер по части образных выражений для распекаания мелких людишек вроде меня):

– Это же никому не нужно, чем вы занимаетесь! Вам бы только червей разводить!

Я и не понял сразу, что он про моих червей ничего не знает и только так, для красного словца их помянул. Я , конечно, удивился, но взял себя в руки и говорю спокойно:

– Да, я развожу червей. Но это не мешает моей основной работе. Я делаю это в свободное от научной работы время.

Тут уже он не понимает ситуации – что я ему чистую правду сказал.

– Как вы смеете ,– говорит. – я старый человек и не позволю себя передразнивать!

(А сам хватается за сердце.)

Вот так я и перестал быть высоконаучным специалист– инженером. И все это чистая правда, не сомневайтесь.

А Птичий Человек в тот же вечер от меня улетел. Не зря, значит, я его учил понемножечку летать. А еще говорят, чтобы чему-нибудь стоящему научить, нужно самому это уметь...

Москва, июнь, 2010

РЕИНКАРНАЦИЯ

Я уже говорил – есть у меня такой старинный приятель, Тимофей. Вот, пошли мы с ним как-то в забегаловку, которая на углу. Взяли бутылку красного, ну я и говорю:

– Тимофей, вот ты музыкальную школу, начальную, не закончил ... Из института, с третьего курса, тоже тебя выгнали. А вроде – ты неглупый мужик. Отчего так?

Он говорит:

– Да, жизнь у меня, действительно, не сложилась. Но только я в этом не виноват. Просто меня отец слишком сильно любил...

Я говорю:

– Я начинаю тебе завидовать, Тимофей...

Он говорит:

– Чему тут завидовать? Если я, допустим, в детстве чего натворю – он меня только хвалил, не ругал никогда. Разве так можно? Вот и не вышло из меня ничего...

Я говорю:

– Как это ничего? Ты холодильный мастер, Тимофей!

Он говорит:

– Да брось ты. А потом, как повзрослел я, из Холодильного института ушел, недоучился. Отец, конечно, расстраивался. Но все равно меня очень любил. Потом умер...

Тут помолчали мы, выпили, и он снова говорит:

– Вот, значит, так... Потом прошел год, и должен был я как-то к друзьям идти, на новоселье. А вместо подарка купил котенка Барсика за рубль и принес. И почему-то этот Барсик ко мне очень привязался. Вот я приду к тем друзьям, сяду на диван, он тут же прибегает мне голову облизывать. Иногда от радости на полу кувыркался – что, мол, рад он, что я пришел, не забываю его. Хозяева тоже сильно удивлялись. Потом его собака загрызла. И все меня мысль мучила, что этот кот не такой, как другие...

Я говорю:

– Что-то я не понимаю, причем тут этот Барсик. Что ты этим хочешь сказать, Тимофей?

Он отвечает:

– Не догадался еще? Я тоже не сразу догадался, все поверить не мог. Потом только до меня дошло, что это отец возвращался на меня посмотреть, как я тут. Так что видеться-то мы виделись, но по-человечески не поговорили...

Я говорю:

– Ты уж извини, Тимофей, но поверить во все это я никак не могу.

А он говорит:

– Дело твое, Семен. Только ты человек благополучный, семейный, к тебе оттуда никто возвращаться не станет.

Я , конечно, обиделся, но виду не подал.

Тут мы встали, я расплатился за нас обоих, и мы ушли.

Москва, июль, 2010

БЕССЛЕДНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Кошка умирала в течение полутора месяцев. От рака. Но все равно она продолжала любить Феликса и выполнять свои обязанности хозяйки дома. Встречать Феликса после работы и греть ему лысину, например. Феликс все время поражался ее нравственной силе: даже в последнюю неделю, когда она была в полушаге от смерти, она заботилась не о себе. Феликс чувствовал ее превосходство и ничего не мог с этим поделать.

Потом, когда кошка умерла, Феликс понял, какой опоры лишился.

Неудачливый композитор, он любил импровизировать на рояле, и кошка всегда внимательно слушала его, подавая советы. Если он начинал “забалтывать” тему, кошка вежливо прыгивала со стула и уходила. А когда Феликс бывал в ударе (такое с ним время от времени случалось), она обнимала его ноги своими лапами...

Каждый раз это был такой диалог – Феликс не столько сочинял, сколько рассказывал кошке о том, о сем. В том, что она все понимает, сомнений у него не было.

Когда кошка умерла, Феликса посетило странное чувство: высокоразвитое существо, полное любви и ума, бесследно исчезло, как будто ничего не было. Как будто маленький водоворот поглотил нечто незначительное, и тишь да тишь кругом...

* * *

Кошка вскочила на подоконник , а потом , с высоты второго этажа, прыгнула в сад и побежала. Феликс , как был, в тапочках на босу ногу, скатился по лестнице и бросился за ней. Не то, чтобы он всерьез боялся, что с ней может что-то случиться или она куда-то там денется. Он бежал , не раздумывая , глядя как она несется по высокой траве, подсушенной солнцем, и подпрыгивает , заигрывая с небольшими белыми бабочками. Одышка совсем не беспокоила его, не то, что раньше; внезапно Феликс ощутил, что его настигло никогда не испытанное ранее счастье ... И одновременно с этим – какая-то дикая , невыносимая грусть. “Странно, – подумал Феликс, – какое-то несчастное счастье. Так не бывает!” Он сделал еще несколько шагов и, зацепившись за корягу, неловко упал лицом в траву...

* * *

Дверь скрипнула, но никто даже не пошевелился. Доктор и Марья Иванна боком вошли в палату. Они подошли к крайней койке и сразу уставились не на неподвижное

грузное тело, опутанное разноцветными проводами, а на экран задвинутого в угол прибора.

– Видите? – сказал доктор. – Прямая линия. Мозг умер.

– Будем отключать, Петр Сергеич?

– Еще вчера надо было, – пробормотал доктор, думая о своем. Вчера вечером соседи сверху залили квартиру, обои все отстали, паркет стал дыбом. Гостей теперь надо отменять! Какое свинство...

– А что, Петр Сергеич, если мозг умер, значит, душа уже отлетела? – робко спросила Марья Иванна, пользуясь случаем, чтобы расширить свои познания.

– Души нет, Марья Иванна! – отозвался доктор, не желая вступать в спор с необразованной женщиной. – Вещи его, кстати, соберите.

– Какие вещи, Петр Сергеич! Вы же помните – его на остановке нашли, снегом присыпанного. В карманах – земля с травой...

– Глупости, – сказал доктор, – какая может быть трава? Сейчас же зима.

2012

СТРАХ

Это было время, когда взрывались дома и люди боялись друг друга еще больше, чем теперь. В метро каждые две минуты объявляли: “Просьба незамедлительно сообщать обо всех подозрительных лицах и предметах.” И мое лицо тоже показалось кому-то подозрительным, но об этом как-нибудь в другой раз...

И вот тогда-то и произошла история, которую я хочу вам рассказать. Я , кажется, простудился и отправился в местное лечебное заведение. Был вечер, и в районной моей поликлинике было почти безлюдно. Только в конце коридора под тусклой лампочкой сидел странный дядька перед кабинетом моего доктора. Он читал, не отрываясь, какую-то дурацкую газету. Кепка почему-то сползла ему на лоб. На меня он даже не поднял глаз.

И вот, вообразите себе. Пустынный длинный коридор. За окном – сумерки. Тишина. Все кругом пронизано одиночеством. Тихие грустные звуки из кабинета доктора. Дядька, неподвижно читающий газету.

И вдруг... Послышалось цоканье каблучков, и к кабинету подошла женщина необычайной внешности. Она была хороша красотой каких-то нездешних мест. Может быть, она была похожа на индианку?

– Сейчас я вернусь, – сказала она. Потом положила свой пакет на кресло рядом со мной и ушла, цокая каблучками; она исчезла за поворотом длинного пустынного коридора.

Через пять минут я начал слегка беспокоиться. Странный дядька, погруженный в свою газету, казалось, ничего не замечал.

Прошло еще пять долгих, очень долгих минут. Я уже не мог сидеть рядом с пакетом, а встал в дверном проеме. Мне хотелось сбежать, но было стыдно.

Прошло еще пять чудовищных минут. Я помню, что держался обеими руками за косяк, чтобы меня не унесло прочь. Меня как будто выдувало могучим порывом страха из этого коридора.

Сбежать? Не предупредив доктора, мирно бормочущего в своем кабинете, не растолкав этого дурацкого, равнодушного к своей жизни дядьку?

Как я потом прощу себе, если их разнесет в кровавые клочья?

А если – предупредить, и вдруг окажется, что мои страхи – глупость, истерика...

Я и не заметил, как она вернулась, держа в руках бутылку с соком. Подошла к своему омерзительному пакету, развязала его, достала оттуда пряник и стала грызть, запивая из горлышка.

Потом посмотрела на меня своими нездешними глазами и отвернулась.

2012

СТАРИК В АВТОБУСЕ

Вы же знаете , старые люди любят поговорить. Но не с кем. Друзья, если были, куда-то все подевались... А дети, если они живут с вами, не хотят вас слушать – они уже наперед знают все, что вы скажете. Они говорят: “Помолчи, дед, ты это уже сто раз рассказывал.”

Вот я , например, иногда разговариваю со своим кактусом... И поэтому они думают, что я выжил из ума.

Но я-то знаю, что я нормальный. Это моя маленькая тайна.

Только я хотел вам рассказать не об этом, а о том, как я ехал один раз в автобусе...

Мне нужно было куда-то ехать по своим старческим делам, и только я вошел в автобус, как увидел немолодую, милую женщину . Что меня привлекло в ней – ее лицо светилось умом! Она сидела, задумавшись, у окна, и я не мог оторвать от нее взгляда. Я стоял напротив нее и совершенно забыл, сколько мне лет...

И вдруг, она встает, берет меня за рукав пальто и говорит:

– Садитесь, пожалуйста! Вам нехорошо?

Я, само собой, расстроился и говорю:

– Очень даже хорошо! Я предвкушаю счастливую загробную жизнь. Поэтому, милая женщина, продолжайте сидеть, где сидели...

Ну, тогда она сказала что-то такое вежливое, мы немного поперерекались, и я заметил, что голос у нее красивый, но какой-то немного жесткий. И тут она смотрит на меня таким тоже немного жестким взглядом и добавляет:

– Я, кстати, психиатр и в загробные штучки не верю.

И мне сразу стало как-то не по себе. Мне стал неприятен этот ее ум, написанный на лице. И я подумал: интересно, куда бы ты меня укутала за мои разговоры с кактусом? И я говорю ей:

– А как вы думаете, почему старые люди считают иначе?

Тут она улыбнулась:

– От страха.

Я хотел ей сказать: “Берусь вас убедить, что причина не в этом”. Но потом раздумал и вышел из автобуса на ближайшей остановке.

2012

БЕГСТВО

Отчего Феликс стал таким необщительным, прямо-таки нелюдимым – сказать трудно. Придет, бывало , в лабораторию, “здрасьте” буркнет – и молчит целый день. Кому он после этого будет интересен? Ни пива с ним попить, ни перекурить, ни про футбол поговорить по душам. Дамы вообще смотрели на него, как на пустое место. Красились при нем, пудрились и так далее...

А приятели у Феликса, конечно, когда-то имелись. Только все они были намного старше его и уже умерли. Был у него еще такой друг , Семеныч. Он умер три года тому назад. Голос у него был уж очень особенный – шепчущий , как будто простуженный. Ни с кем не спутаешь. И вот , он умер, и совсем замолчал у Феликса телефон.

Ученые говорят, что пчела в одиночестве может прожить часов шесть, не больше. А потом – ей не хватает пчелиного общения и она умирает. В пересчете на человеческую жизнь шесть часов пчелиного одиночества – это примерно девять месяцев. Но человек в этом смысле гораздо крепче. Он может, например, смотреть телевизор по вечерам и глубоко

переживать за какого-нибудь героя. И этим он, конечно, отличается от глупой пчелы.

Короче, жизнь Феликса текла равномерно и однообразно и была наполнена невысказанной тоской. Не было в ней ни хороших, ни плохих неожиданностей.

И вдруг, осенним воскресным вечером – звонок. Феликс сразу почувствовал, что дело неладно – кому он мог быть нужен в такое время?

– Алё, – сказал Феликс, внутренне готовясь непонятно к чему.

– Привет, Феликс... – раздался приглушенный, совершенно особенный шепчущий голос, отчего у Феликса возникло в голове легкое помутнение.

– Это вы? – спросил Феликс, не решаясь назвать собеседника по имени.

– А ты думал, кто? – прошептала трубка.

– Как вы себя чувствуете? – осторожно спросил Феликс, еле сдерживая дрожь и боясь совершить какую-нибудь бестактность по отношению к покойнику.

– Плохо, ох, плохо, – раздался слишком знакомый голос. – Выручай, Феликс!

Вихрь странных мыслей пронесся в голове у Феликса. Не помочь мертвому другу? Как это было бы с его стороны отвратительно! Но всего этого просто не может быть!

– Извините, – сухо сказал Феликс, проклиная сам себя за бездушие, – но сейчас ничем вам помочь не смогу. Я нездоров и никуда не поеду.

– А зачем тебе ехать? – отозвалась трубка ехидным шепотом. – Я к тебе сам приду!

И в трубке загудело.

“Так, – подумал Феликс, – надо бежать. Всего этого не может быть, но это неважно. Паспорт, деньги, зубную щетку – в карман. Носки дырявые – неважно. Пальто, шапка, ботинки. Ключи. Выключить газ. И, главное, – не медлить! Скорее, скорее!”

Сбега по лестнице, он вспомнил, что оставил на тумбочке свое лекарство. Один лестничный пролет, другой. Ноги как будто одервенели, но слушаются. И вот, наконец, впереди последние пятнадцать ступенек и спасительная дверь на улицу!

Феликс уже предвкушал, как толкнет ее и вдохнет полной грудью сырые осенние сумерки, но тут за его спиной раздался негодующий возглас:

– Куда это ты собрался?

Феликс, как был, рухнул на ступеньки, проехал по ним головой вниз и, вдобавок, ударился виском об косяк. Возможно, он даже умер, но точных сведений на этот счет у меня нет.

Жильцы первого этажа, люди интересующиеся, гурьбой
высыпали на шум – посмотреть , что происходит.

– Прохвессор от меня убегал и подскользнулся, – объяснил
ситуацию Егорыч, алкоголик. – Я у ево денег хотел занять.

– У такого зимой снега не допросишься, – сказал кто-то. –
Пусть полежит, подумает.

И народ потянулся по квартирам.

2012

ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ

Иван Феликсович вернулся домой грустный. Женщина, в которую он был влюблен, дала ему понять, что... в общем... в его возрасте... ни к чему эти глупости...

“Да, – говорил сам себе Иван Феликсович, – в моем, действительно, возрасте... пора бы уже...”

А почему “пора бы уже” и так было ясно. Лысина, поросшая редкими волосьями, очки, опять же, и общая такая непрезентабельность – вот вам и ответ на этот вопрос. Был Иван Феликсович человеком непьющим и оттого справлялся со своими огорчениями не так, как все нормальные люди, а с головой погружался в чтение.

Как называлась книга, которая помогала ему забыть на время о своей неудачливости, – я точно вам сказать не могу. Важно другое: Иван обладал редким в наше время читательским даром – он словно переселялся на страницы читаемого произведения. Вот и сейчас, перебежав на полусогнутых между цветущими раскидистыми магнолиями, он укрылся в небольшой скалистой расщелине, покрытой зеленоватым мхом. Автоматная очередь просвистела над его

головой, но, здесь, прижавшись лицом к холодным скользким камням, он чувствовал себя в относительной безопасности. И этой безопасностью надо было пожертвовать! В отдалении виднелась роща из деревьев незнакомых пород, именно туда ему нужно добраться как можно скорее! Цепь автоматчиков, прочесывавших лес у него за спиной, все ближе, уже слышен хруст ломающихся сучьев...

Но впереди – открытое, свободно простреливаемое пространство, сплошной песок и никакого укрытия.

Сделав над собой усилие, Иван пополз, стараясь не поднимать головы, и вдруг услышал характерный рокот – из-за ближних скал показался вертолет.

Песок взметнулся прямо перед его лицом желтыми смертоносными фонтанчиками. “Неужели здесь, на этом странном песчаном плато, мне придется умереть?” – только и успел подумать Иван Феликсович, как вдруг услышал истошный крик.

“Мяу!” – раздавалось из кухни. Но это было не обычное, простое ‘мяу’, а какое-то дикое, раздраженное...

Иван Феликсович заложил страницу бумажечкой и отправился посмотреть, в чем дело.

Мурка стояла в углу перед миской с едой, но есть почему-то отказывалась и выгибала спину. Чтобы разглядеть причину Муркиного недовольства, Ивану Феликсовичу пришлось

сменить очки. Тут-то и выяснилось, что длинная цепь мелких домашних муравьев протянулась от щели в стене к кошачьей миске. “Ну и дела, – думал Иван Феликсович, орудуя мокрой тряпкой, – надо будет позвонить в эту, в как ее... ну, чтоб их истребить совсем.”

Покончив с уборкой, Иван Феликсович лег на диван, взял книжку и снова, как в прошлый раз, на полусогнутых бросился бежать среди цветущих раскидистых магнолий ... Но что-то новое вдруг привлекло его внимание. Крошечный домашний муравей заблудился на странице, переползая от одного слова к другому.

“Ах, ты!” – воскликнул Иван Феликсович и собрался раздавить его указательным пальцем. А в это время неизвестно откуда взявшаяся тихая мысль исходила неслышным криком, но не могла докричаться до сосредоточившегося на интересном занятии человека.

2015

Я НИКОГДА НЕ ВЫХОЖУ НА БАЛКОН

Мне захотелось написать рассказ. Но я не знал, о чем. Желание было таким сильным, что я решил писать, еще не зная, о чем. Откуда оно, это желание, взялось? Думаю, что все дело в каких-то резонансах. Да, в них все дело. И вот я, наконец, начинаю догадываться, о чем будет рассказ. Как будто я выхожу на балкон (а я никогда не выхожу на балкон) и как будто кругом весна и цветут липы (а за окном ноябрьский дождь со снегом). И вот, как будто я, затягиваясь сигаретой, стою и слышу чужой разговор. Мужской голос говорит о чем-то важном, женский – отвечает. И я слышу это невероятное взаимопонимание... Они просто созданы друг для друга, – думаю я, стряхивая пепел легким щелчком. Как им удалось найти друг друга? – удивляюсь я. И тут с улицы доносятся еще два голоса.

– Эй ты, сволочь! – разоряется чей-то визгливый тенор.

– Да, да, тебе говорят! – поддерживает его омерзительное сопрано.

Я замечаю, что образуется полифония.

- Помнишь, у Рильке...
- Набей ему морду!
- Конечно, конечно...
- Испоганил настурции!

Тут до меня наконец доходит, что я, видимо, неудачно стряхиваю пепел на чужие цветы. Но я не испытываю никаких угрызений. Это же не нарочно. Подумаешь, пепел. Если приглядеться – кругом полно этого пепла. Собственно, все кругом – это будущий пепел. К тому же я на самом деле не курю. И никогда не выхожу на проклятый балкон. Уже который год минул, как я прикрутил там ручку железной проволокой.

2015

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Давно это было, а может – недавно, точно вам не скажу. Короче, шел Евсей Петрович на работу в обычном своем бодром настроении. Надо сказать, что он вообще был человек трезвый и не впечатлительный, без излишков воображения и фантазии. К тому же по утрам он любил обтираться холодной водой. А как работа его называлась? Кажется, лаборатория тригонометрического масштабирования или еще как-то ...

Идет, а кругом – осень, троллейбусная остановка вся опавшими листьями усыпана. Короче – все, как обычно. Ничего особенного. И он останавливается в ожидании троллейбуса...

И вдруг замечает – в телефонной будке стоит какой-то тип, спиной ко всем. Евсей Петрович сразу обратил внимание, что человек этот примерно одного с ним роста, сумка тоже черная через плечо, куртка вишневого цвета такая же, лысина намечающаяся точно такая же... Ну, мало ли бывает случайных совпадений? Однако решил Евсей, на всякий

случай, подойти поближе. Ему захотелось убедиться, что совпадения этим и ограничиваются.

Подходит сбоку (а тот человек Евсей Петровича еще не видит) и , хотите верьте , хотите – нет, обнаруживает дальнейшие совпадения. И форма очков, и цвет оставшихся волос – все как у самого Евсея.

Стало Евсей Петровичу как-то не по себе. Но все же лица того человека он толком еще не разглядел.

“Тьфу ты, напасть какая”, – раздражался Евсей, не зная , как быть дальше и боясь опоздать к началу логарифмического табулирования (или к чему-то там еще) из-за внезапно прорезавшегося любопытства.

И тут как раз послышалось шуршание подъезжающего троллейбуса.

“Ну , и слава Богу, – твердо решил Евсей Петрович. – И незачем мне знать, что это за тип. Сейчас сяду в троллейбус и уеду.”

Но не успел Евсей сделать и шага, как дверь телефонной будки распахнулась, и он очутился лицом к лицу – вы догадались, с кем.

– А-а-а! – в ужасе закричал второй Евсей Петрович, не подготовленный к такой встрече. Он невежливо толкнул настоящего Евсея и опрометью бросился к подошедшему троллейбусу. А затем , расталкивая очередь, буквально ввинтился внутрь.

“Надо же, какой нервный!” – подумал настоящий Евсей и стал насвистывать свою любимую песенку.

Он дождался следующего троллейбуса и прибыл на работу вовремя, как раз к началу криптофонического дезавуирования.

– Вас тут по телефону добивался какой-то сумасшедший, – сказала ему Таисия Аристарховна, заведующая, – хотел вам лично кое-что сообщить.

– И что же ему было надо, – хладнокровно осведомился Евсей.

– Никак не хотел говорить. А потом как сказанет: “Передайте, значит, вашему Евсей Петровичу, что его не существует!”

– Ничего страшного, – успокоил ее Евсей Петрович. – Всех нас в каком-то смысле не существует.

2015

ЖИВОТНОЕ

– Понимаешь, – говорит Семен, обращаясь почему-то ко мне, хотя на кухне толпится целая куча народу, – графоман, если он осознал, что он графоман, уже не так опасен для общества...

– А ты, собственно, о ком? – интересуюсь на всякий случай.

– Ну не о тебе же! Конечно о себе самом.

Тут все начинают потихоньку прислушиваться. Когда Семен слегка выпьет, от него можно услышать кое-что интересное.

– Ох, неискренен ты, Семен, – говорю, чтоб позлить его. Все притихли, ожидают: что-то будет!

А Семен-то, оказывается, уже прилично нализался. Криво ухмыляется:

– Что, – говорит, – ты хочешь убедить присутствующую публику, что я, хоть и графоман, но этого еще не осознал? Что я притворяюсь?

Тогда я говорю:

– Прости, – говорю, – Семен... Это я неловко так сказанул... Ты же знаешь, что я не считаю тебя графоманом! Честное слово, не считаю!

– А мне начхать, – говорит он (на самом деле он крепче выразился), – что ты там считаешь или не считаешь! Главное, что я сам так про себя считаю! Но я пишу короткие рассказы, а они менее вредоносные, чем длинные! И уж конечно от меня меньше вреда, чем от всяких романистов проклятых, из-за которых леса вырубают и планету без кислорода вот-вот оставят!

Я говорю тогда:

– Да, – говорю, – Семен дорогой, конечно, от тебя вреда намного меньше, чем от всяких романистов, не спорю!

Смотрю, он успокаивается и начинает нам втолковывать:

– Дамы и господа! – говорит, – сейчас я вам все про себя объясню... Конечно, нет у меня дара слова! И сюжет я придумать не могу ... Ну, нет у меня фантазии! Не Герберт я Уэллс!

Я опять удержаться не могу и злю его:

– А что же у тебя взамен этого есть, дорогой Семен?

А он:

– Зато у меня есть то, что я ищу необычные состояния духа и описываю их. Понимаешь? Необычные!

Тут кто-то из нас спрашивает:

– Какие-такие необычные? Это в каком таком смысле?

Он говорит (а сам уже как будто трезвый стал):

– Вот вам пример, дамы и господа, который вас , может быть, убедит. Представьте – два человека в возрасте полюбили друг друга, но у них семьи или что-то в этом духе, и они запретили себе это самое... Ну, вы понимаете. И тут пока ничего необычного нет. Запретили и запретили. Молодцы. Но они не могут, как нормальные люди, разбежаться в разные стороны. Они по какой-то причине вынуждены видаться каждый день. И вот здесь начинается необычное. Любовь отделяется от них и начинает жить собственной жизнью, как такое животное... И они это животное сообща мучают и убивают и никак не могут до конца убить. Оно плачет, скулит, прячется по углам ... Вот такое необычное состояние.

Тогда я говорю:

– Знаешь, Семен, это не тема для короткого рассказа. В коротком рассказе должен быть сюжет, ударный конец, ясная мысль. А тут ничего этого нет.

И со мной кто-то из наших друзей соглашается:

– Вы, Семен Васильич, только не обижайтесь. Но в коротком рассказе эта тема не прозвучит. Никто не поймет, что вы хотите сказать. Животное какое-то, прячется по углам... Вы уж лучше про что-нибудь другое напишите!

Он отвечает (уже совсем трезвый и грустный):

– Да, пожалуй, не получится. Не буду писать. Ведь не поймет никто.

2016

ГОСПОДИН ЗУСМАН

– Ну и что? – сказал Виктор, усаживаясь в скрипучее кресло.

– А вот и то, – отозвался доктор Цаплин.

– Не понимаю, – сказал Виктор. – Сейчас все пьют эти таблетки. И никто не жалуется...

– Но вы-то не пьете, – усмехнулся Цаплин.

Внезапно они оба замолчали, за окном раздались звуки марша, топот и еще какие-то странные звуки, похожие на мычание, прерываемые глухими ударами.

Цаплин подошел к окну и задернул занавеску. “На всякий случай”, – пробормотал он себе под нос. А потом продолжил:

– А ничего странного вы не замечали?

– Может, и замечал. А вы что, считаете...

– Да, – прогундосил Цаплин. – Очень даже считаю. Много раз проверял в лабораторных условиях. На мышах. И два раза – на людях.

– И как бы вы охарактеризовали этот эффект? – забеспокоился Виктор.

– Исчезает непредсказуемость. При больших дозах – полный автоматизм. Утрата большинства навыков. Если бы о мышах можно было сказать, что у них есть мышиная личность, ...то я бы сказал, что эта личность...

– Исчезает?

– Да.

Звуки марша , доносившиеся с улицы, наконец, ослабли. Очевидно, процессия завернула за угол.

– Ну, я пошел, – сказал Виктор.

Цаплин отодвинул стальную щеколду, на которую была заперта изнутри его хлипкая входная дверь, и посмотрел на Виктора со значением, но ничего не сказал.

Виктор добрался домой без приключений, если не считать того, что по дороге ему все время попадались лежащие там и сям клочья одежды.

Прошло еще два или три часа, прежде чем он, наконец, решился.

К тому времени, когда внизу раздался скрип тормозов и трое в одинаковых костюмах, выйдя из машины, направились в его подъезд, он уже успел проглотить пригоршню маленьких круглых, таких розовых... и запить их, как положено, холодной водой.

– Эй , откройте! – раздался голос из-за двери. Не услышав никакого ответа изнутри, голос прозвучал с удвоенной силой:

– Господин Зусман! Немедленно откройте! Проверка электросчетчика!

Не услышав и на этот раз никакого ответа, тот же голос скомандовал: “Ломаем”.

Дверь поддалась , не оказав особого сопротивления. Они вошли, но вместо господина Зусмана увидели стоящее на четвереньках голое существо, которое пускало изо рта слюнявые пузыри.

– Господин Зусман? – обратился к существу старший из троих вошедших.

– Бе, – сказала существо, издало неприличный звук и заползло под диван.

2015

БАНКЕТ

Боря Ключин, наконец, защитился. В смысле, он стал , наконец, кандидатом наук. Ну, на банкете, как положено, все перепились, Ленка с Зинкой даже подрались немного... А мы с Борькой вышли в коридор. Закурили, значит, и я говорю:

– Все, Борис, перед тобой широкая научная дорога!

Действуй и не останавливайся на полпути. Иди дальше!

Он говорит:

– Отстань, Сема. Ты что, не видишь, в каком я настроении?

Я говорю:

– Борис! Ты что это несешь? У тебя должно быть прекрасное настроение! Тем более, я твой друг, и я обязан тебя об этом, так сказать, уведомить!

Тут он задумался, поглядел исподлобья и невнятно так забормотал:

– Эх ты, Семен... Ничего не понимаешь... Я же поэтом хотел стать...

Тут уж я не стерпел:

– Ты – поэтом? Офигеть! Ни за что не поверю!

А он:

– Хочешь, прочту что-нибудь?

Ну я, хоть стихов и не люблю, согласился, конечно. Из вежливости. “Прочти, – говорю, – что-нибудь не очень длинное.”

Тут он и выдал:

*“Я живу в раю бензиновом,
Манекенов посреди,
В чем-то тра-та-та резиновом,
С жабой каменной в груди!”*

Тогда я говорю:

– Я, конечно, в стихах не очень разбираюсь... Но, помоему, ты – гигант! Особенно про жабу!

Смотрю – он даже слезу смахнул. Поверил, значит, дурачок. Ну, раз такое дело, я решил еще добавить:

– Ты, – говорю, – поэт! Большой поэт!

А он:

– Нет, Сеня, никакой я не поэт. Хотя мог бы быть. А вместо этого я кандидат каких-то фиговых наук. Если хочешь, расскажу тебе, почему так вышло.

Отказываться мне было неудобно, я вообще не люблю людей обижать, и он начал:

– Видишь ли, Семен, я с детства мечтал стать поэтом... Кропал стишки чуть ли не каждый день... И, вроде, даже стало что-то получаться! Я почти ухватил свою мечту за хвост! Мне было, наверно, двадцать лет, когда я заболел...

довольно тяжело. Когда я уже начал выздоравливать и даже мог понемногу ходить, меня должна была навестить девушка, в которую я был тогда влюблен...

– Ого! – говорю я, – пойду Зинке расскажу!

Но Борис меня словно не слышит и гнет свое:

– Да , влюблен был. Что было, то было. И я решил ее встретить. Спустился вниз к входной двери, толкаю эту дверь, а она не открывается. Вот так номер. Ну, я поднялся на этаж , на лестничной клетке там у нас окно (ну, ты знаешь) и смотрю, не идет ли она. Солнце светит, лето, природа кое-какая во дворе, девушка моя все не идет... И я чувствую, что больше не могу стоять, что силы мои меня подводят. Но в чем соль, в чем соль-то! Это было время (ну, ты помнишь), когда появились такие любители привязывать гранату к двери... Кто толкнул, тот и взорвался. И вот я стою у окна, а спуститься и толкнуть дверь посильнее боюсь.

Я говорю ему:

– Извини, что перебиваю, но снаружи-то видно, привязана граната или нет. Взорваться может только тот, кто изнутри эту дверь толкает.

Он отвечает:

– Вот и я так подумал. Вижу – мимо подъезда молодая женщина с коляской идет. Кричу ей из окна: “Эй, мамаша, не посмотрите – что там двери мешает открываться?”

Я говорю:

– Так, так! И что же было дальше?

А он:

– Оказывается, там клочок обшивки застрял и мешал двери открыться.

Я тогда спрашиваю так аккуратно:

– Ну а девушка-то твоя пришла или нет?

Он говорит:

– Да не в этом дело. А вот стихи я с тех пор перестал писать. Ты понимаешь – почему?

Я говорю:

– Я вообще стихов не люблю, поэтому не понимаю. А как ты думаешь, вот Пушкин на твоём месте толкнул бы эту дверь?

– Пушкин-то? – Борька задумался, – Кто его знает... Вот Лермонтов бы точно толкнул...

Тут нас стали звать обратно к столу, а вскоре начались танцы.

2015

ПРЕДБАНИК МОРГА

Память подводит меня. Но в моем возрасте это уже простительно. Прошрое отдельными пятнами всплывает передо мной. Вот, помню, лет сорок тому назад или больше, когда мне было столько лет, сколько тебе теперь, я, конечно, очень засматривался на женщин... Впрочем, это, кажется, тоже простительно. И еще я очень следил за своим здоровьем, был слишком уж мнителен для своего возраста. Вот видишь, я говорю тебе все как есть, ничего не утаиваю о себе!

И вот из-за какой-то пустяковой болячки я, накрутив себя, отправился — ты можешь себе представить! — в онкологический диспансер... А ведь в то время рак считался неизлечимой болезнью, ну, или почти неизлечимой... И этот диспансер казался нам тогда таким предбанником перед моргом!

И вот я шел и каждой частью своего тела чувствовал, что я совершенно здоров, что я иду туда напрасно, чтобы успокоить свою мнительность. Что я просто-напросто теряю

свое время и собираюсь потратить впустую время какого-то неизвестного мне врача...

Помню, как уселся в безрадостном коридоре перед коричневой дверью, за которой только что скрылся согнутый в три погибели старик. Ну, примерно такой, как я сейчас...

Так на чем я остановился, ты мне не напомнишь? Да, и вот в этом мрачном тусклом коридоре я не смог усидеть на стуле, подошел к окну, смотрел, как за окном светит яркое солнце, колышутся пыльные листья деревьев...

Но когда я вернулся на свое место, то вдруг увидел, что напротив меня сидит ... Да, ты правильно догадался, сидит очень красивая молодая женщина! Как я ее не заметил раньше — ума не приложу. Не стану тебе описывать ее внешность, это не нужно... Но если бы мне даже сейчас, спустя сорок или больше лет показали ее фотографию, я бы ее узнал!

Сразу же я совершенно перестал думать о своем мнимом заболевании, а только сидел и, бросая на нее осторожные взгляды, любовался ею и жалел о том, что увидел ее в таком неподходящем для знакомства месте!

И что же, ты думаешь, случилось дальше?

А случилось вот что.

В какой-то момент, я, движимый природными инстинктами, взглянул, наконец, на нее в упор. Ну так, как глядит каждый нормальный мужчина на понравившуюся ему

женщину... И я увидел, что у нее вместо глаз — два черных ужаса.

Мне стало стыдно.

Ты спрашиваешь, что было дальше? А ничего... Помню, что я дождался своей очереди в обшарпанный кабинет и узнал, что совершенно здоров.

Да, вот такие островки прошлого еще сохранила моя память. Я почему-то часто думаю теперь об этой женщине. Сколько она прожила с тех пор? Кто знает...

Но почему я тебе об этом рассказываю?

Мне хочется, чтобы о ней кто-то помнил, кроме меня.

2015

АНЕКДОТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Ко всем, кроме Самуила Р., кто-нибудь приходил. К рыжебородому детине антисемитской наружности, лежавшему на койке у окна, через сутки приходила мать, а еще сын-семиклассник. От писателя Ярослава Б. ни на шаг не отходила жена. А еще к писателю приходили какие-то родственники и свойственники. Все они приносили фрукты, овощные супы и бульоны. С грустью смотрел Самуил на чужое семейное и околосемейное шебуршение. Вот, к нему ни разу никто так и не пришел. И оттого остальные обитатели палаты смотрели на него свысока, с жалостливым осуждением.

– Мужчина, хотите апельсин? – говорила ему писательская жена, пренебрежительно улыбаясь. Самуил, само собой, благодарил и отказывался.

Но если вы думаете, что он считал дни и, может быть, даже часы, ожидая, когда его выпишут из больницы, то вы ошибаетесь.

Дело в том, что всех этих совершенно чужих ему свойственников и родственников Самуил в силу какого-то

психического недоразумения стал считать своими. Он, конечно, не спятил в медицинском смысле этого слова и умом понимал, что люди эти к его жизни никакого касательства не имеют и не будут иметь, но ничего с собой поделывать не мог.

– Не дать ли вашему ребенку пару советов по физике? – предлагал он рыжебородому детине, желая приносить окружающим посильную пользу.

– Пока без надобности. Надо будет – скажем! – мычал детина в ответ на деликатное предложение.

Но все-таки не эти люди занимали большую часть болезненно чуткого воображения Самуила Р.

На соседней с Самуилом койке лежал совершенно невзрачный забавный человечек с детской физиономией, у которого в одно ухо был воткнут наушник, с проводом, тянувшимся от приемника. Время от времени человечек вскрикивал:

– В Уругвае-то наводнение! Эх, много людей погибло! В Греции-то землетрясение! Эх, разрушения и человеческие жертвы!

Самуил тщетно пытался испытать приязнь к безобидному соседу, но ничего, кроме глухого раздражения почему-то испытать не мог. И вот у этого-то невзрачного соседа посетителей было еще больше, чем у писателя и у рыжебородого... Невзрачного человечка по очереди

посещали жены – настоящая и бывшая; вокруг него кучковались какие-то братья и сестры – родные, двоюродные и еще какие-то. Но главное – к нему регулярно приходила дочь Римма, в которую Самуил отчаянно влюбился.

Сердце его таяло, когда он видел, как молодая женщина, которая, похоже, поставила на себе крест, заботится о своем невзрачном, недалеком папаше. “Видимо, есть в ее отце что-то по-человечески важное, чего я никак не могу постичь”, – размышлял Самуил, подумывая заодно о том, что пора, давно пора завести семью...

И, надо сказать, что Римма, хотя и была поглощена заботой о своем слегка анекдотическом папаше, тоже обратила внимание на Самуила. словно незримая нить протянулась между двумя неустроенными людьми, еще не успевшими даже перекинуться словом.

И вот в один из вечеров, когда все посетители (и милая Римма в том числе) уже ушли, и население палаты поочередно умывалось, чистило зубы и так далее, вдруг как-то сам собой завязался общий довольно неприятный разговор. О чем шла речь я, честно говоря, не знаю, а Самуила спрашивать мне неудобно. То ли ужин привезли не вовремя, то ли еще что...

– Ну нет! Я этого так не оставлю! – взревел рыжий детина у окна.

– Они слишком много себе позволяют, – мягко согласился с ним Ярослав Б.

В наступившей тишине было слышно, как тяжело задышал Самуилов сосед, а потом задыхающимся голосом произнес:

– Сталина на них нет!

Самуил вздрогнул и повернулся лицом к стене. Легкое психическое помутнение, владевшее им в последние дни, внезапно рассеялось. Он здесь – чужой. Ни в какую Римму он не влюблен. Ему сделалось даже как-то не по себе оттого, что его влюбленность бесследно исчезла.

На следующее утро Самуил, недолечившись, решил выписаться из больницы. Собрал вещи, написал расписку, что ответственность за прерванный курс лечения лежит на нем самом. Попрощался с удивленными обитателями палаты. (“Ну напрасно, батенька, напрасно”, – сказали хором рыжий детина и Ярослав Б.)

Самуил и Римма столкнулись у дверей лифта. Он прочел в ее глазах изумление и укор, но сам не почувствовал ничего.

2015

ВЕЧЕРНЯЯ МУЗЫКА

“Странно”, – подумал Василий Семенович, проходя мимо небольшого уличного оркестра, устроившегося на углу.

Вообще-то он, Василий, всегда был равнодушен к музыке... Таким уж он уродился. Но тут произошло нечто необыкновенное. Стоило саксофонисту, этому низкорослому типу, похожему на китайца, сыграть несколько первых тактов, как слезы брызнули из глаз Василия Семеновича. Внезапно ему показалось, что вся горечь и печаль этого мира излилась на сумрачную улицу из блестящего инструмента и затопила как паводок всю округу.

“Что-то со мной сегодня не так”, – сказал он сам себе, вытирая глаза платком.

И действительно, мысли его потекли не обычным проторенным путем – зайти туда, потом сюда, купить то, потом се... Вместо этого Василий зачем-то стал вспоминать свою жизнь и вдруг обнаружил, что вспоминать было особенно нечего. Каким-то образом этому способствовали необычайные музыкальные звуки, все еще доносившиеся до него сквозь сырой вечерний воздух.

– А ведь и впрямь, нечего мне вспомнить, – бормотал себе под нос Василий Семенович, – вот беда-то какая! Словно и не жил!

“Ну, про личную жизнь и говорить нечего, – объяснял сам себе Василий . – Не сложилась она, проклятая! А что еще? Диссертация моя фиговая? Конференция провальная? Зачем это все? Куда это все? Какая Высшая Сила замутила мою глупую , никому не нужную...”

Тут Василий Семенович остановился, прислушался сам к себе и к отдаленной музыке, которая еле слышным волшебным рокотом пробивалась сквозь шелест автомобилей и шум шагов. Ему все-таки было, что вспомнить.

Вот, что с ним однажды случилось.

Ехал он в троллейбусе за справкой в какое-то заведение, стоял у окна в хвосте салона и ни о чем не думал. Смотрел по сторонам. Кругом – август , солнце, тепло, прохожие идут куда-то в летних своих одеждах...

И вдруг, неизвестно почему, ему захотелось выйти из троллейбуса, не доехав до нужной остановки. Желание было настолько сильным, что он поддался ему, удивляясь сам себе. Выходя из открывшихся дверей, Василий обернулся и в последний момент увидел, что какой-то тип, только что вошедший в троллейбус, встал у окна на то самое место, где раньше стоял он сам. Тип был одет в шикарный черный

костюм. “Что-то не по сезону одет человек”, – только и успел подумать Василий, спускаясь на пыльную мостовую.

“И зачем я здесь вышел? – недоумевал он, стоя на незнакомой остановке. – Сяду-ка я теперь лучше на автобус.”

Спустя четверть часа, проезжая ближайший перекресток, Василий Семенович увидел троллейбус, в котором ехал раньше.

Задняя половина троллейбуса была срезана как ножом, а неподалеку, метрах в десяти, стоял тяжелый грузовик, у которого, видимо, отказали тормоза. Тут же, рядом, уткнувшись лицом в асфальт, лежал человек в шикарном черном костюме. Около него толпились какие-то граждане, но никто не пытался оказать лежащему человеку помощь. Человек был, очевидно, мертв.

Эта картина залитой августовским солнцем аварии, произошедшей много лет тому назад, аварии, где жертвой должен был стать он сам, внезапно всплыла в памяти Василия Семеновича, странным образом разбуженной игрой уличного саксофониста.

“Что это было? – спрашивал сам себя Василий Семенович, протискиваясь сквозь осеннюю вечернюю толпу, валившую из метро навстречу ему. – Зачем какой-то Высшей Силе понадобилось тогда меня спасать? Я ведь, в общем-то, неудачник. Посредственность. Из меня ничего толкового не

вышло! А вдруг я должен был совершить что-то важное в этой жизни... Что-то необыкновенное... Но что?”

Эта, прямо скажем, спорная мысль заставила Василия Семеновича повернуть назад. Ему захотелось еще раз послушать уличного саксофониста. Ему померещилось, что музыка, которая подействовала уже один раз столь неожиданным образом, даст ему ответ на внезапно возникшие у него в голове вопросы.

Пошатываясь, он прошел два квартала, но оркестра на прежнем месте не обнаружил.

2015

ЛЮБОВЬ-2

Разница в возрасте у нас – конечно, велика. Вы могли бы подумать, что любовь наша несколько дефективна именно по этой причине. Но, уверяю вас, дело совершенно не в этом. Короче говоря, мы любим друг друга, так сказать, вполне. Она никогда не встречает меня, когда я возвращаюсь домой усталый после работы... И я тоже не особенно внимателен к ней... Бываю даже несдержан и груб, если ночью она начинает приставать ко мне со своими немыслимыми требованиями...

Но, как я уже сказал, дело не в моем возрасте (тем более, что физически я чувствую себя прекрасно), а в том, что сердце мое было разбито, даже, вернее сказать, выжжено предыдущей любовью...

После того как Та, которую я любил больше жизни, умерла, мне стало поистине все безразлично...

И вот в один из прекрасных летних дней, наполненных этим полу-безразличием, когда я сидел, погруженный в свои логарифмические расчеты, моя половинчатая любовь бросилась вниз с балкона.

В тот момент я услышал только легкий шум, которому не придал абсолютно никакого значения, но потом все-таки забеспокоился. Я обошел все наши комнаты, заглянул в самые укромные уголки и, нигде не найдя ее, только тогда понял, что случилось.

Стараясь не поддаваться панике, я выбежал на улицу, где по странному стечению обстоятельств не увидел ни одной живой души. Еще заметил я, что трава под балконом не была даже примята; это меня также сильно смутило.

Я вернулся домой и снова буквально обшарил всю квартиру, заглянул за все шторы, за которыми она любила прятаться от меня, когда бывала в хорошем настроении, но тщетно...

Я впал в какую-то прострацию и просидел, не двигаясь, несколько часов. Когда стемнело, я, вооружившись фонарем, снова отправился на поиски.

Мне повстречался один мой приятель, человек преклонного возраста, которому я один раз оказал некую услугу.

– Что ты здесь делаешь? – окликнул он меня, удивившись моему странному занятию. (Я просвечивал фонарем густые можжевельниковые кусты, растущие перед окнами первого этажа.)

Я объяснил.

– Как она выглядит? – спросил он, очевидно, желая мне помочь.

Я коротко описал ее внешний вид, не забыв упомянуть ее выдающуюся красоту.

– Час тому назад я видел ее около гаражей, клянусь тебе! – воскликнул он.

Я бросился к гаражам, и в тусклом вечернем свете мне показалось, что она там стоит, прижавшись к кирпичной стене...

– Мышка, Мышка! Иди ко мне! – закричал я, вне себя от захлестнувших меня чувств.

Но Мышка (или не Мышка?) кинулась от меня прочь и вбежала в хозяйственный двор большого корейского ресторана, расположенного неподалеку.

Преодолев некоторое смущение, я последовал за ней, пытаюсь поймать ее лучом своего фонаря.

Дальше произошло нечто удивительное.

В неверном фонарном свете я увидел, что их стало две. Совершенно одинаковых или почти совершенно одинаковых... Они сидели под чьим-то серебристым кадиллаком и обе жмурились. Но кто из них была моя Мышка – стало мне, к сожалению, непонятно.

– Мышка, Мышка... – продолжал я зазывать неуверенным голосом, светя фонариком под днище машины.

Тут из черного хода ресторана показался метрдотель в строгом костюме с галстуком-бабочкой. Послушав некоторое время мои вопли, он, наконец, заметил на безукоризненном русском языке:

– Что вы здесь, господин, иметь хотите? Это не есть мышка. Это есть кошка. Они есть кушать рыба. Продавать нет. Полиция вызывать?

Пристыженный, я удалился. Я, оказывается, не мог отличить свою собственную Мышку от посторонних полупомойных ресторанных кошек.

Целую неделю потом я еще блуждал по двору с фонарем, и завсегдатаи дворовых лавочек полностью уверились в том, что я – сумасшедший (а они об этом уже давно всех предупреждали).

И все-таки спустя неделю я нашел свою Мышь. Голодную и несчастную, в подвале. Еле-еле мне удалось ее выцарапать оттуда. Приходила она в себя после ужаса подвальной недели довольно долго. Но в конце концов успокоилась, стала проситься на руки...

И мы снова зажили почти как раньше. Читатель, наверно, ждет, что теперь у нас с Мышью все хорошо? Но это не совсем так. Сердце мое по-прежнему обуглено и не может любить так, как прежде.

2015

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Мы уселись на траве, пиво поставили в тень, чтоб не перегрелось... Ну, Юлечка, конечно, захотела себя во всей красе показать и говорит:

– Вот вы, Валерий Иванович, очень даже неправы. Человек очень даже меняется! Утром, например, человек – такой, а вечером – совершенно другой!

Я говорю:

– Юль, ну дай ты Валерию Ивановичу сказать. Что ты, честное слово, всегда вперед всех лезешь!

Валерий Иванович отвечает:

– Нет, Юль, это внешнее. А так – человек не меняется, почти не меняется... Вот, смотри, – видишь старик с палкой идет. Ты думаешь, во сне он себя кем видит? Правильно! Юношей, а то и ребенком...

Мы с Юлькой примолкли, сидим, того старика жалеем.

А Валерий продолжает:

– Но все-таки иногда человек меняется. После потрясений. И чаще в плохую сторону, а не в хорошую...

Тут Юлечка опять вперед всех высказывает и говорит:

– Это почему это в плохую чаще, чем в хорошую? Вот я , например, так не считаю!

Я говорю:

– Валерий Иванович! Вы ее не слушайте! Она сама не знает, что говорит. Ей лишь бы умным людям противоречить...

Он посмотрел на нас тогда сквозь очки:

– Тут действует какой-то закон природы... Еще, может, не до конца открытый... Вот, давайте, я вам одну историю про себя расскажу. Короче, был у меня в детстве приятель во дворе. Звали его Боря. Но не друг, просто приятель Боря...

Ну, Юлька снова его подковыривает:

– Почему это не друг? А приятель, это что – не друг?

Он спокойно так отвечает:

– Это существенно для дальнейшего. Боря выделялся из всей дворовой шатии тем, что был нормальным парнем. Понимаете? Нормальные люди ведь редко встречаются, но зато чаще других сходят с ума...

Тут у нас вообще челюсти отвисли, а он:

– Я не понимаю, чему тут удивляться. Нормальный человек, это значит – чувствительный, нетерпимый к несправедливости. Вот, случилось у него дома какое-то несчастье, и у парня поехала крыша... Потом мы долго не виделись. Встретились случайно, он занял у меня денег – ну, без отдачи, естественно – и говорит тогда: “Вот, спасибо, ты дал мне сколько-то там рублей. Теперь у меня плохие мысли

пропали.” А я думаю – какие такие плохие мысли? Короче, стал он регулярно заходить и деньги одалживать. Я ему деньги-то даю, но в дом не пускаю. Понимаете? И чувствую себя последней сволочью. Ему же жить негде. Какой-то хрен из каких-то там структур оттяпал у него комнату, пока он в психушке лежал. Он пристроился жить где-то в монастыре, за городом...

Тут мы с Юлькой говорим:

– Вы, Валерий Иванович, все-таки не обязаны... К тому же вы не один тогда жили...

Он отвечает:

– Ну что я вам могу сказать? Не обязан, не обязан... Мне Светка с шестого этажа тоже говорит: “Зачем вы его приваживаете?” А я ей объяснил тогда: “Если я не буду ему ничего давать, он отсюда не уедет.” Ему ведь деньги на проезд нужны были, чтоб до своего монастыря добраться. И вот так он и ездил много лет, зимой и летом, зимой и летом, раз в три дня...

Юлька говорит:

– Ну ничего себе! Это же утомительно. Что ему там, в монастыре, не сиделось?

А Валерий в ответ:

– Юль, ну посуди сама! Это же естественно! Рыба плавает на нерест туда, где она вывелась, птица перелетная делает то же самое практически, а человек чем хуже?

А она ему:

– Но все-таки, Валерий Иванович, зачем вы нам это рассказываете, мы уже поняли. У вашего друга Бори поехала крыша, и он изменился. Так, что ли?

Валерий говорит:

– Да нет, он-то как раз не изменился. Просто сбрендил немного, вот и все. Вот слушайте дальше. Ездил он, ездил, и тут вдруг грянули дикие морозы. Вот он, если приедет, я не могу его пустить вместе с его “плохими мыслями”, а не пустить тоже не могу. Я буквально не знал, как мне быть с самим собой. Понимаете? Но он не приехал. И больше вообще никогда не приехал. А я вот изменился.

2015

ЯБЛОКО

Ранний зимний вечер был необычайно хорош. Небо вдруг показалось из-за облаков, а верхушки зданий временно потеряли свою лютую мрачность и засветились волшебным огнем... Но рассказать об этом было некому. Один человек, которого Иван потерял давным-давно из виду, вдруг объявился и повел себя необыкновенно смешно, просто уморительно! Но об этом тоже было некому рассказать. Еще случилась невероятная вещь – вышла книга, в которой... нет, вы себе даже представить не можете, что там было, наконец, напечатано. Прямо позорище какое! И об этом тоже было некому рассказать.

Внезапно Иван почувствовал себя инопланетянином в этом жутковатом холодном городе. Ради чего он здесь? К чему он должен стремиться?

Это было очень неприятное ощущение, от которого не так просто было отделаться.

Вернувшись домой, Иван задернул шторы, лег на раскладушку и включил тусклый ночник.

Затем прикрыл глаза , но неплотно, так, чтобы слабый боковой свет пробивался сквозь еле прикрытые веки. Впрочем, нужно было очень точно рассчитать плотность прикрытия век.

Дальше начиналось нечто необъяснимое.

Полумрак рассеивался, и он каждый раз видел их снова – Семен Валерьяча, Зою и всех, всех, всех...

– Здравствуй, Иван, – говорил ему тонким хриплым голосом Семен Валерьяч, вставая из-за стола, – что-то давно тебя не было. Давай, рассказывай, как там у вас дела!

– Ванюша, милый, – лепетала Зочка вне себя от радости, протягивая ему яблоко, – возьми, это тебе...

И веселый шум, гомон, беготня вокруг.

– Да что я буду вам рассказывать, – шутя отнекивался Иван, – вы и так, небось, все знаете!

– Ничего мы не знаем, давай говори!

– Ну, – говорил Иван, – так уж и быть. Не буду тянуть. Холодно там у нас , но красиво! Все бы ничего, но поговорить не с кем. Вот этот, помните, как его ... , да, да, он самый, такое учудил! Нет, вы не смейтесь-то заранее, дайте досказать...

Но громкий смех от предвкушения еще не начатого рассказа было невозможно перебить. Впрочем, Иван особенно и не старался. Он знал, что через минуту все закончится. А что можно успеть рассказать за минуту?

Минута прошла.

Иван открыл глаза, потом встал, отдернул тяжелые шторы. После захода солнца город сделался тоскливо-серым, но какое-то тающее волшебство в нем все же оставалось.

“Вот, опять не успел у них спросить, как жить дальше, – раздражался Иван. – И каждый раз так. Вечно они смеются...”

И он начал ходить по комнате в густеющих сумерках, сжимая в руке яблоко, которое уже начало потихоньку исчезать.

2016

ЗАСТОЛЬЕ

Так как выпито было еще совсем мало, а за столом присутствовали незнакомые дамы, то разговор принял возвышенное направление.

Роман Ильич, не смущаясь присутствия жены, заговорил о странностях любви.

– В молодости, – сказал он, глядя почему-то в потолок, – я был очень влюбчив ...

(Тут жена его, Марья Васильевна, чихнула).

– И всегда замечал я за собой, – продолжал, как ни в чем не бывало, Роман Ильич, – что любовь обязательно сопровождается ревностью...

(Тут дамы на другом конце стола переглянулись между собой и что-то сказали друг другу шепотом.)

– ...И все-таки был у меня один случай, когда, невзирая на чрезвычайно сильное чувство, я ревности совсем не ощущал! Хотя имел к этому все основания!

Марья Васильевна, ученая дама, покрасневшись, встала из-за стола и собралась было уйти в знак протеста, но потом передумала.

– Не уходи, Маш, потом ему все выскажешь! – воскликнул Сергей Юрьич, перехватывая инициативу в разговоре. – Да, это интересный случай, конечно... А я вот, когда был помоложе, настрадался... Я был влюблен до умопомрачения... И безо всякой надежды на взаимность!

Дамы с интересом посмотрели на Сергея Юрьича, словно сомневаясь – возможно ли такое?

– ...И вот, представьте, изобрел способ, как от этого своего чувства совершенно избавиться!

– Знаю я этот способ! Это безнравственно! – раздался возмущенный дамский голос, потонувший, впрочем, в общем гаме.

– Пусть теперь Иван Иванович что-нибудь расскажет, – предложил кто-то, видимо, в шутку.

– Пусть расскажет, пусть расскажет! – закричали все хором, совсем засмущав неказистого Ивана Ивановича.

– Про любовь, про любовь! – кричали мужчины и дамы.

Напор разгоряченной публики был столь силен, что Иван Иванович сдался.

– Я, как видите, человек неказистый и успеха у дам не имею, – начал он, оглядев собравшихся сквозь круглые свои очки. (Тут раздался чей-то смешок.) – И страдал от этого в

молодости, конечно, потом и страдать перестал... Но был у меня в жизни эпизод, так сказать, необъяснимый... Казалось мне, что на работе я был близок к открытию – потом никакого открытия, конечно, не получилось... И вот несколько дней я ходил, как будто заряженный электричеством! Это было совершенно необыкновенное состояние. Я ехал в метро, предвкушая, что скажу в лаборатории начальству, и от меня как будто распространялись во все стороны электрические волны... А в соседнем вагоне сидела очень милая девушка, которая внезапно начала внимательно на меня смотреть сквозь двойное стекло и махать мне рукой... Так, как будто мы были с ней давно знакомы и даже более того...

– Более того – это как? – поинтересовалась Марья Васильевна.

– Это – как если бы я ей нравился...

– И ты, Иваныч, ее упустил?

– Да, упустил...

“Эх, раззява!” – закричали сразу все, повскакали из-за стола и стали бросаться в Ивана Ивановича подушками.

– Успокойтесь, друзья! – подвела итог пронизательная Марья Васильевна. – Никого он не упустил. Он все сочинил! Кто-нибудь из вас видел человека, заряженного электричеством?

– Признаюсь, сочинил, – скромно ответил Иван Иванович, стряхивая с пиджака небольшую шаровую молнию.

2016

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

*Я кружусь в межзвездном крематории,
В невесомом чудном колумбарии,
Я попал под колесо истории...
Кто я был – обыкновенный пария,
Ну, играл немного на гитаре я,
Ресторанчик посещал «Астория»,
А теперь я – смесь урана, тория
С добавленьем изотопа бария.*

Да, был у меня такой дружок, Захар N, ... Не друг, конечно, другом я бы его не назвал. Человек, морально озабоченный. Ну, понимаете, вот надо на что-то решиться, а он внутри себя раздумывает: нравственно это или безнравственно?

Вот, допустим, надо дать кому-то в морду, а он не может. Чего-то такого в себе преодолеть. Через что-то переступить. А по мне – так просто трусит. В общем, не мужик, одним словом.

И чтобы себе, значит, что-то такое доказать, он еще пьяных из луж вытаскивал и старушек через дорогу переводил, как пионер из анекдота. Ему, видите ли, их жалко. Короче, закомплексованный тип.

Я вот, например, считаю, что если алкаш лежит в луже, то это его выбор. Я уважаю его выбор и не вмешиваюсь. И не хвастаюсь потом, какой я милосердный.

И вот с этим Захаром, что приключилось. Ему, значит, сделали какую-то операцию, и он не мог тяжестей поднимать. И тут попалась ему на улице старушенция согнутая – что-то несет такое неподъемное. Он ей говорит:

– Бабуль, давайте помогу!

И эта бабенция соглашается, сволочь такая. Ну, он помог ей, значит, отнес эту фигню, куда ей было надо. Поставил у подъезда, а она его за руку – хватать! Перевернула ладонью вверх, грязным ногтем провела и говорит, вместо благодарности:

– Знаешь, мил человек, что тебя ждет? Не знаешь? Хочешь узнать? А ведь ты, мил человек, погибнешь в ядерной войне...

Во как! Вместо благодарности!

Ну, а он, значит, нам все это рассказал. Мы его тогда спрашиваем:

– Ну и что ты, Захар, с ней за это сделал?

Он отвечает:

– Как что? Спасибо сказал.

Мы, значит, уже все на взводе, но спрашиваем:

– За что спасибо-то?

А он:

– Ну, мне стало яснее, как жить дальше. К чему стремиться...

Тогда я ему говорю:

– Урод ты, Захар! Ты хоть понимаешь, как нам настроение испортил? Чтоб мои глаза тебя больше не видели!

Нет, вы не думайте, мы ничего такого с ним за это не сделали. Но в свою компанию, конечно, больше не пускали. Он у нас стал вроде изгоя. Не общались с ним больше.

Старались выкинуть эту историю из головы, но не очень получалось. Вы только подумайте – живешь себе, в институте учишься, девушку себе заводишь, ремонт в квартире делаешь – а над тобой такое висит. Вот не веришь в это, а оно, проклятое, висит! И все из-за этого гада!

А он чего? А ничего. С кем-то там повздорил и институт бросил. А чем занялся? Не знаю, я за ним так не следил особо. Какое-то осложнение послеоперационное у него началось. Из-за того, что тяжести носил. Через год он в реке утонул, а мы все тогда с облегчением вздохнули... Нет, вы поймите, я не изверг какой, просто невозможно так жить, когда вот это над тобой висит. Невозможно радоваться

жизни! А тут – он утонул ; значит, старуха его обманула. И жизнь продолжается!

2016

МОМЕНТ УЗНАВАНИЯ

– Я вспоминаю, – сказал Валерий Иванович, обращаясь сразу ко всем и ни к кому в частности, – я вспоминаю два случая, у которых есть что-то общее... Но, что именно, – я не могу понять...

– Вот, было дело, ходил я через день в больницу, навещать очень близкого человека. В отделение травматологии. И там, конечно, люди раскрываются невероятно. Мне потом одна хирургиня свои впечатления пересказывала. “Люди, – говорит, – сволочи!” Но я ничего такого не заметил, даже наоборот. Впрочем, я не хирург, а всего лишь старый преподаватель...

И вот, в этой палате, куда я ходил, у самого окна лежала молодая девушка, подключенная к аппарату искусственного дыхания. Та половина ее лица, которую я мог видеть, была очень милая... А другая половина лица, как я понимаю, была парализована после автокатастрофы. Как-то само собой выяснилось, что девушка эта – студентка моего института, но с другого факультета.

Мне запомнился ее взгляд, в котором брезжил какой-то далекий отголосок сознания...

А в один из дней кто-то из ее родителей (дежуривших там постоянно) мне говорит:

– Вы же, Валерий, работаете в ее институте. Поговорите с Анечкой, может быть, она вспомнит вас, и к ней вернется сознание!

Я отвечаю:

– Конечно, конечно... Только я работаю на другом факультете, и мы никогда раньше не видели друг друга! Но все равно я попробую что-то такое сказать!

Не помню уже, что я сказал, но толку от этого не было никакого.

Потом Анечку увезли в другую больницу, и больше я ее никогда не видел.

Где-то через полгода иду я в институте по четырнадцатому этажу (как я там оказался – ума не приложу, это не мой этаж) и вижу в коридоре большую фотографию. Очень красивое женское лицо. Рядом цветы лежат. Лицо страшно знакомое, но не могу вспомнить – чье? И вдруг до меня доходит – это она...

А другая история была вот такая. И случилось это все давным-давно.

Еще в школе я был влюблен в одну девочку. Неважно, как ее звали, не хочу говорить. Я был влюблен в нее с первого по

десятый класс, но, к сожалению, без взаимности. Может, оттого, что я человек практический, никаким искусством не увлекаюсь...

А она, наоборот, увлекалась всякими возвышенными вещами и в результате вышла замуж за художника. Причем не за нормального, а за абстрактного. Я и в обычной-то живописи ничего не смыслю, а в абстрактной – тем более. Что в ней хорошего – одни крючки, да закорючки.

Прошло несколько лет, и в институте, где я только-только начал работать, устроили выставку молодых художников. Зачем я туда поперся – не знаю. Хожу, смотрю – ничего не понимаю. Бессмысленные пятна краски, какие-то линии дурацкие... И вдруг, гляжу на эти чертовы изломанные мазки и понимаю – это она...

Мне тогда даже дурно стало. Посмотрел на фамилию художника, но незнакомая фамилия мне ни о чем не говорила.

Стал даже думать – уж не свихнулся ли я, что мне ее лицо всюду мерещится.

Потом выяснил случайно, что не ошибся. Действительно, это был ее портрет.

Вот такие две истории.

Что в них для меня общего? Даже не знаю, как вам сказать. Вот этот момент узнавания, когда внезапно делается больно...

ДЕНЬ МУЧИТЕЛЯ

Абрам Петрович – это мой тесть. Он, вообще-то, полу-еврей. Но это для меня не играет значения. Абсолютно. Пусть даже полный еврей – пожалуйста. Дело не в этом. А в этих его шуточках неуместных. Нет, чтоб как все люди, помалкивать. Дошутился, старый козел, в своем училище.

Вот он сидит у окна и чуть не плачет. Я его спрашиваю:

– Абрам Петрович, расскажите все-таки поконкретнее, за что вас выгнали!

А он:

– Меня никто не выгонял. Я сам...

– Ну, все равно расскажите. Мне это важно. Я хочу знать, как мне дальше быть!

Он откашлялся и говорит:

– Ну, ты ж меня знаешь, Вадик. Я старый человек, подслеповатый и глуховатый. Устал уже жить. И шутки у меня все теперь одинаковые. Новых придумать не могу... Когда из учительской выхожу, всегда говорю: “Ох, коллеги, пошел мучить маленьких детей!” Все уже привыкли, никто не смеется... Еще напеваю иногда в коридоре:

“И я никакой не учитель,
А просто ваш злобный мучитель!”

Я его спрашиваю так вежливо (а сам весь дрожу от возмущения):

– И что, Абрам Петрович, громко поете?

Он отвечает:

– Да нет, тихонько совсем, под нос себе мурлычу...

И продолжает, значит, свой рассказ:

– ... И еще память на даты у меня никудышная... Короче, вот что было. Зашел я в училище, смотрю – у раздевалки молодые люди и девушки танцуют и поют. И много их, но, вроде, на наших студентов непохожи... Хотя кто их разберет! К тому же я плохо вижу... Ну, думаю, праздник какой-то... День учителя, что ли?

Поднимаюсь на этаж, там утренний полумрак еще. А навстречу начальство идет. Я, конечно, здороваюсь первый и говорю любезно:

– С праздником вас!

А начальство посмотрело на меня внимательно так и говорит:

– С каким праздником?

А я в ответ улыбаюсь, как всегда:

– С Днем Мучителя!

Смотрю – у начальства глаза сделались круглые – прекруглые, оно развернулось на каблучках и заперлось у

себя в кабинете. Я, честно тебе скажу, Вадим, ничего не понял тогда. День благополучно прошел, все было тихо-спокойно. Возвращаюсь я домой и хочу на всякий случай в календаре поглядеть, какой праздник-то сегодня был. Надеваю очки и читаю: «День чекиста»... Ну, а дальше ты все знаешь, Вадим. Извини, если что.

Я говорю:

— Извинить-то я вас извиню, а вот Зойка-то вас извинит или нет? Мне ж теперь с ней разводиться придется. Но вы не переживайте, Абрам Петрович. Мы только так, для виду разойдемся, а в остальном все будет, как всегда. И вы тоже сможете к нам заходить и с внуками сидеть. Ну, не так часто, конечно, как раньше. Не так часто. Но сможете. Иногда.

2016

МЕСТЬ

Как случилось, что я переехала к нему? Честное слово, всех деталей уже не упомяну. Конечно, он мне не нравился, но я не настолько разборчива, как некоторые дурочки, которые до сих пор не могут понять, что жизнь – довольно-таки грубая штука... Кто не успел – тот опоздал. Мало ли что – кто-то тебе не нравится. Нужно уметь себя перебороть. Да не как-нибудь, шалей-валяй, а так, чтоб он ни в жисть не догадался!

Нельзя упускать свой шанс! Следующего шанса может и не быть... Или попадется такой жлоб, что не приведет Господь!

А насчет всяких этих “оформили – не оформили” я вам так скажу. Мне на эти бумажки плевать с высокой горы.

Главное, чтобы он был обеспечен. Со своей квартирой. Дача тоже никому не помешает.

И, конечно, никаких домашних животных. Ненавижу этих мопсиков, попугайчиков...

Короче, переехала я.

Обнялись напоследок с Машкой, поревели. С Джоном холодно попрощались. И на этом все. Здравствуй, так сказать, новая жизнь!

Так вот, первое, что я поняла, переехав к нему, – это то, что у нас с ним нет общих интересов.

Да откуда бы им и взяться, если у него нет никаких интересов вообще!

Чем он занимается на работе – ума не приложу. Как-то раз спросила, но он посмотрел на меня безумным взглядом, пробурчал: “Померещилось”, а отвечать не стал. Уткнулся носом в какой-то фолиант и стал бессмысленно шуршать страницами. Иногда мне кажется, что он сумасшедший.

Но жить с человеком, с которым невозможно ни о чем нормально поговорить, нелегко. Все сводится к ублажению собственного желудка и так далее...

Вскоре его стали одолевать беспричинные приступы ярости. Он обвинял меня в каких-то идиотских вещах. Гонялся за мной и кричал: “Куда ты дела мои карандаши?!” Но я никогда не прикасалась к его карандашам. Только один раз, помню, и то случайно... Зачем мне его карандаши? Я же не художник...

Конечно, я тоже не соткана сплошь из одних достоинств. Меня, например, выводят из себя некоторые запахи, и я даю ему об этом понять.

Впрочем, он туповат и не всегда реагирует на мои намеки.

Еще есть у меня хобби (а как же иначе!), которое ему не нравится. Что это за хобби? Ну, как вам сказать... Ничего особенного. Пустяки, чтобы убить время, тянущееся перед

ужином. Клянусь вам, действительно, совершеннейшие пустяки!

Но главное, что отделяет нас друг от друга, это невозможность поговорить по душам... Он использует меня, как неодушевленный предмет, а потом надолго перестает обращать на меня внимание. Это, в конце концов, унижительно.

Неужели все мужчины устроены одинаково?

И вот, в один прекрасный день, когда светило июльское солнце, а цветы на соседском балконе источали свой пряный аромат и трава на газоне под окнами так призывно шелестела, я почувствовала, что у меня кружится голова...

Не понимаю, как это произошло, но в следующую секунду я уже стояла на этой траве и смотрела вверх на окно, из которого выпала. Слава богу, что ничего себе не повредила и сразу же смогла подняться на ноги...

Мысль о том, что я свободна и могу, если захочу, начать жизнь сначала, пьянила меня.

Я спряталась за деревом и с интересом ждала, когда же он, наконец, обнаружит мою пропажу. Ждать пришлось целых десять минут, а то и больше. Он выскочил во двор, весь всклокоченный, в домашней одежде и тапочках на босу ногу. Я с удовольствием наблюдала, как он мечется по двору в поисках меня, не догадываясь взглянуть на дерево, на которое я успела вскарабкаться. Наконец-то мне удалось

ему отомстить за все то пренебрежение к моей персоне, которое я испытала.

Потом, правда, пришлось целую неделю кантоваться в грязном подвале, испытать страх и голод.

Если бы он тогда прекратил свои поиски и не выманил меня в конце концов наружу, я бы, скорее всего, в этом подвале и умерла.

Мне, наверное, скажут: “Стоило ли тогда сбегать от него?” Но сладость мести не может быть опровергнута доводами разума...

2016

ОКНО

- И давно это у вас, - спросил Марков бесцветным голосом, не выражающим никакого сочувствия, и поглядел в открытое окно.

Ждал он, что ли, кого-то?

- Да нет, не очень, - ответил Семен, запинаясь, - вот с тех пор, как...

- А часто ли повторяется, - поинтересовался Марков и интеллигентно зевнул, прикрывая рот ладонью.

- По-разному бывает, - сказал Семен, - иногда целый месяц ничего нет. А иногда - просто каждый день. Вот как выйду на улицу, услышу, как листья шуршат, тут же как будто из листвы раздаются их голоса : "Сеня, Сеня!". Меня, значит, зовут – отец и мать, и другие родственники тоже. Те, которые умерли. Что бы это значило, доктор? Это - шизофрения?

- Нет, Семен Евгеньич, не торопитесь так. Скорее всего, нет. Просто измененное состояние психики. Временное.

Остальные-то тесты у вас все приличные. Да и не похожи вы на шизофреника. Уж поверьте моему опыту!

- Ох, спасибо, доктор...

- Кстати, что там у нас с наследственностью? – осведомился Марков, снова поглядев в окно. - Были какие-то отклонения, случаи или что-то такое?

- Ну вот, разве что, прадед мой... Он перед смертью сошел с ума совершенно. Его держали в железной клетке для буйных... а он, значит, требовал, чтоб ему принесли портрет Сталина...

- Надо же, - сказал Марков, - просто так требовал или для чего-то?

Семен задумался - говорить или не говорить, но ответил:

- Чтобы подтереться.

- А, - сказал Марков. – И вы уверены, что он был сумасшедший?

- Как вам сказать... Раньше был уверен. Теперь вот не уверен...

- Интересная у вас наследственность, - отозвался Марков, глядя в открытое окно. - Кстати, позвольте вас спросить: а сейчас вы слышите эти самые голоса?

- Да, сейчас снова слышу...

- Надо же, - сказал Марков. – Я тоже.

2016

РАЗОЧАРОВАНИЕ

- Если уж говорить о разочаровании, - сказал Валерий Евгеньич, откусывая кончик сигары специальными щипчиками, - то такого разочарования, как я, не испытал еще никто! Я встретил спустя сорок лет девочку, в которую был влюблен до умопомрачения, когда еще сам был ребенком...

- Ну, положим, спустя сорок лет она уже перестала быть девочкой, - ехидно заметил Леонид Витальич, едва прикасаясь губами к рюмке.

- Естественно... Но каково же было разочарование! Толстые ноги, всякие обвислости в разных местах, а волосы – про волосы я вообще не говорю! И полное отсутствие какого-либо ухода за собой! Это женское преступление – так пренебрегать своей внешностью... И должен вам сказать, что самое грустное было впереди. Воспоминание о моей детской влюбленности стерлось, исчезло! У меня как будто украли часть моей прежней жизни, причем самую, как бы вам сказать, самую...

- Да, действительно, впечатляет! – задумчиво пробормотали Леонид Витальич и Петр Иванович.

Наступила непродолжительная пауза, наполненная смутным шепотом дождя и ветра за окнами веранды.

- И все-таки, - прервал общее молчание Леонид Витальич, - и все-таки, я должен вам сказать, что то разочарование, о

котором нам поведал Валерий, - это еще не настоящее разочарование!

- Как?! – ахнули Валерий Евгеньич и Петр Иваныч.

- А вот так! Разочарование, боль от которого проходит за день, два, за неделю – это пустяки. Настоящее разочарование остается с тобой на всю жизнь. И это, доложу я вам, господа, - разочарование в самом себе!

- Тебе ли это говорить! – возмутился Валерий Евгеньич. - Ты, можно сказать, из всех нас... наиболее... Общепризнано, что ты... И вообще...

- Нет, Валерий, - с грустью отозвался Леонид Витальич, - дело совершенно не в этом. Не имеет значения, что я и то, и се, и пятое-десятое... Когда-то я должен был совершить один поступок, долго готовился к нему, а когда пришло время ... не смог... И не могу этого себе простить. Я должен был преодолеть инстинкт самосохранения! И оттого, что не смог, разочаровался в себе. Понимаете?

Наступило всеобщее молчание, никто не стал требовать от Леонида Витальича разъяснений.

- Да, Леня, - вымолвил, наконец, Валерий Евгеньич, - признаю, хоть это и мне и обидно, но твое разочарование, так сказать, более значительно, чем мое... Похоже, у тебя все шансы выиграть... Не думаю, что Петька сумеет тебя переплюнуть!

Дождь к этому времени уже прекратился, и ворона, сидевшая на заборе, трижды каркнула, как бы подтверждающая правоту слов Валерия Евгеньича.

- Ну что, Петя, чем ты нас порадуешь? – обратились Валерий Евгеньич и Леонид Витальич к Петру Иванычу.

- Эх, господа, - раздался в ответ надтреснутый голос, - что-то вы мелочитесь. Не мыслите глобально. Любовные какие-то воспоминания дурацкие вас угнетают. Инстинкты какие-то зачем-то преодолеваете. Вы только подумайте – мы все живем, непонятно зачем. Пройдет не так уж много времени, и не останется ничего. Ни нас с вами, ни вороны вот этой, ни забора, ни дождя, ни людей вообще, исчезнет всякая жизнь – разумная и неразумная. Разве не это – главное разочарование, а? Разве это нам обещали в детстве, господа?

- Петь, понимаешь, конечно, ты выиграл и мы тебе заплатим, - обреченно сказали Валерий Евгеньич и Леонид Витальич, - но как-то некрасиво это с твоей стороны. В следующий раз ты уж так не делай. Ты же не только у себя, но и у нас отнимаешь вот это самое, ну, которое, как оно называется...

2016

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда я бодрствую, все идет отлично. Или, по крайней мере, хорошо. Хотя мне уже много лет, я по-прежнему занят рыбной ловлей. Я ловлю рыбу старинным способом, которому научил меня отец. Молодые не хотят брать с меня пример, но это их дело. Пусть сначала поживут с мое, тогда, может быть, поймут что к чему... Еще люблю сидеть на камне и смотреть, как солнце погружается в море. Если солнце такое горячее, то почему море не закипает? Наши старики не знают, но их это не волнует. Они говорят: “Этого все равно никогда не узнать.”

А некоторые добавляют: “Если бы вода закипела, то вся рыба передохла бы. А мы тогда умерли бы с голоду.”

Но, так или иначе, день проходит. А ночью меня преследуют кошмары. Точнее, один и тот же кошмар, который повторяется снова и снова.

Как будто я живу не на острове, а в огромном чужом городе, темном и мрачном. Существа, населяющие этот неприятный город, не похожи на людей, но называют себя людьми. Как избавиться от этого сна? Как проверить – сон ли это на самом деле? Вообще, как отличить сон от яви? Раньше я не задумывался над этим, но сейчас такое умение мне стало необходимо.

Вот, что я придумал. Днем, на песчаном берегу я выложил из маленьких камешков надпись: *это не сон*.

На следующий день, вернувшись на то же место, я не обнаружил сделанной надписи. И это было совершенно естественно. Ночью, как мне рассказали, был сильный шторм, и волны смыли мои камешки... Это было логично, а ведь именно логика событий отличает явь от сна, где нам могут мерещиться самые невероятные, безумные вещи!

Но ночные кошмары продолжались.

Мне снилось, что я вместе с другими такими же несчастными, которых отобрали по какому-то непонятному мне признаку, должен был явиться на вокзал. Никаких теплых вещей брать с собой нам не разрешалось, хотя мороз пробирал буквально до костей.

Никто не сопротивлялся, и смотреть на это было совершенно невыносимо. Ощущение общего безумия укрепило меня в мысли о том, что все это только сон. Я попробовал что-то сказать в нашу общую защиту, но язык буквально прилип к гортани, и, как это обычно бывает во сне, не смог вымолвить ни слова. Только хрип вырвался из моего горла!

Я проснулся. Солнце уже начало выползать из моря, и тени от меня и моих друзей, спавших на берегу, были такие длинные, что, казалось, им не было конца. Я оттолкнулся от валуна, на котором сидел, и полетел над прозрачной водой, наблюдая стайки резвящихся разноцветных рыб.

2016

ОЧИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА

(три пьесы и документ общественной важности)

ОЧИЩЕНИЕ ОБЩЕСТВА

(логическая драма в одном действии)

На сцене двое и большое оцинкованное ведро. Оба говорят, обращаясь к публике.

ПЕРВЫЙ. Дамы и господа! Я рад, что вы сегодня собрались, чтобы послушать меня и посмотреть на эту, прямо скажем, мерзость! На этого законченного, опустившегося стукача...

ВТОРОЙ. Как он может! Откуда он взял?

ПЕРВЫЙ. Вы только посмотрите на него – какие у него отвислые щеки и тощая шея... Это же стукач. Так бы и задушил его за черепашую шею. Шучу, конечно.

ВТОРОЙ. Он что, не понимает, что меня оговорили? Но кто... *(смотрит на Первого)*

ПЕРВЫЙ. Как вы все прекрасно знаете, я разбираюсь в стукачах и легко определяю их по внешнему виду. Так вот, он – типичнейший стукач. Вы только посмотрите, как он дергается, жметса. Нелюдь!

ВТОРОЙ. *(закрывает лицо руками)* Какой ужас! Все подстроено...

ПЕРВЫЙ. Что подстроено?! Кому ради такого ничтожества понадобилось бы что-то подстраивать? Ведь это жалкий тип. Не человек, а пустое место. Ничто!

ВТОРОЙ. Не слушайте его! Пусть он лучше сам объяснит, как...

ПЕРВЫЙ. *(перебивает)* Что значит “не слушайте его”? Свободу слова еще никто не отменял!

ВТОРОЙ. *(пытается продолжить)* Пусть объяснит... Как могло быть... В то время, как...

ПЕРВЫЙ. Обратите внимание : еще один характерный штрих. Он разговаривает намеками. Слова не может прямо сказать, как это делаем мы, нормальные люди... Делает вид, что чего-то боится. Поганец! Сейчас я ему все объясню! *(обливает Второго помоями из ведра. Второй уползает на четвереньках.)* Да, с ними только так и можно. Пусть теперь отмывается. Если сможет, конечно. Долго ему еще отмываться. Вы думаете – мне это легко далось? Что я лишен элементарной жалости? *(В зале крики: Нет, нет! Мы так не думаем!)* Но кто-то ведь должен выполнять эту нелегкую работу по очищению нашего общества... Чтобы мы все могли доверять друг другу!

Занавес

СПЕЦПРАЧЕЧНАЯ

(маленькая грустная пьеса)

Действующие лица: клерк; господин в зеленых очках

КЛЕРК. *(сидит один за столом)* Следующий!

(входит тупорылый господин в зеленых очках)

Вы-то хоть понимаете , куда пришли? А то ходят тут всякие со своим грязным бельем ! Дуры!

ГОСПОДИН. Понимаю, понимаю...

КЛЕРК. Извините, я немного раздражен. Ходят тут, понимаете ли, настоящих клиентов распугивают. Таких вот , как вы. А я человек опытный. Я настоящего клиента сразу чую! *(нюхает)* Ну и разит же от вас! Вы – некрофил? Пассивный? *(у господина отвисает челюсть)* Так вот , я вам скажу, это будет, будет стоить... *(листает прейскурант)* Эксгумация, вакцинация...

ГОСПОДИН. Да что вы такое говорите!

КЛЕРК. *(не слушает его)* Маленький такой следственный экспериментик, и будете опять – достойный член общества! Все грязные слухи – опровергнуты! И это будет стоить...

ГОСПОДИН. Прекратите немедленно! Я примерный семьянин! У меня совсем другое... На букву “эс” ...

КЛЕРК. *(бурчит, листая прейскурант)* Пожалуйста, пожалуйста, примерный – так примерный...

(в сторону, с горечью)

Он думает, что он – примерный семьянин! Куда катится этот мир! *(обращаясь к господину)* Ну, это вам подешевле обойдется... скотоложество...

ГОСПОДИН. Вы – что, совсем ничего не понимаете? *(решается сказать)* Я сту... сту... стульчик можно возьму? А то стоять устал...

КЛЕРК. Вот я старый дурень! Не мог догадаться! *(жмет господину руку)* Тут вашего брата столько ходит...Валом валят...Можете не беспокоиться, все сделаем в лучшем виде. Думать будут не на вас. *(в сторону, с горечью)* Хотя кто тут, собственно говоря, кроме меня, умеет думать?

Занавес

СПРАВКА

(пьеска)

Действующие лица:

1. Автор;

2. Персонаж (впоследствии – Вухоплюйский, он же Вухоствольский)

АВТОР. Вот незадача – не знаю как тебя назвать – так , чтобы никто на свой счет твою фамилию не принял. Надо что-то необычное придумать... Что-то такое-эдакое... Но, чтобы не вульгарно было... Ох , стар я что-то стал ... (*бормочет под нос*) Свойский, Хвойский, Тарарайский – все не то!

ПЕРСОНАЖ. Ну, давайте уж поскорее, что ли. Надоело тут мерзнуть без толку. Вообще-то у меня и своя фамилия есть. Но – согласен на любую: например, Правдоборцев-Сибирский...

АВТОР. (*с наглой улыбкой*) Придумал! Вухоплюйский ты!

ПЕРСОНАЖ. (*возмущенно*) Что за фамилия странная... Что вы , собственно говоря , хотите этим сказать? Я протестую! Я, знаете ли, буду жаловаться – сами знаете куда!

АВТОР. Вот-вот! Уже получается! Ты же в моей пьесе , знаешь, кем будешь? (*многозначительно постукивает по крышке стола*)

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. (*в сторону*) Этот автор – подозрительный тип. Обязательно сообщу о нем, это мой долг, первейший долг... (*обращается к Автору*) Я пошутил, неужели непонятно? И (*постукивает по крышке стола*) в вашей пьесе я не буду. К тому же у меня справка есть ... (*разворачивает справку и читает*): Дана гражданину Вухоствольскому (это , кстати, моя фамилия) , что он никогда не был членом нашей преступной организации. ... Все. Подпись. Печать. (*сует Автору под нос*) Вот вам, читайте!

АВТОР. (*читает*) Дана такому-то... И вот тут дальше мелким шрифтом : «Применять без колебаний при малейшем подозрении»....Ничего не понимаю! Что применять? При чем подозрении?

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Да справку эту и применять. Показывать то есть. При малейшем вашем подозрении. То есть при моем подозрении, что у вас, значит, возникло подозрение.

АВТОР. (*дрожит*) А у меня , может быть, не возникло. Даже ни капельки не возникло... А вот тут у вас еще краешек оборван : “релять на оражение”– это что?

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Это так, пустяки. Секретарша бланк перепутала. Ну, так кем я там буду в твоей пьеске?

АВТОР. Б-б-б-б...з-з-з-з-з...п-п-п-п-п.....(*падает в обморок*)

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. Догадался, значит. И как ему это удалось? Непонятно. Придется, значит, того-этого...

АВТОР. (*ползет на четвереньках*) Нет! Я не догадался! Я ничего не понял! Я круглый идиот!

ВУХОПЛЮЙСКИЙ. (*говорит в зал*) Не верю ему, не верю...Никому не верю! Как горько , как невыносимо горько персонажу моего возраста остаться без автора! Пусть даже невеликого таланта был человек! (*обращается к Автору*) Прощай, друг! Я буду так одинок! Прими вот это... (*дает Автору таблетку*) Все будет хорошо... Ну, мне пора, спешу!

Занавес

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

(документ общественной важности)

Будучи внештатным младшим корректором еженедельника «Сто великих умов нашего тысячелетия», я обнаружил при разборке редакционного архива выцветший листок, очевидно, выпавший из какой-то рукописи.

Установить, из какой именно – не удалось, несмотря на все усилия редколлегии. Ввиду несомненной общественной важности найденного документа, я, понимая все возможные риски своего шага, решил представить его вниманию читающей публики.

«...но недавно в кругах высшего общества (к которому я имею честь принадлежать) пронесся слух, что Таинственный Незнакомец – вовсе не верблюд, как принято было считать в последнее время. Не торопитесь, господа! Вот, вы говорите, если он верблюд – то где же оба его горба? А я как опытный знаток природы, объездивший с лучшими караванами мира вдоль и поперек прославленную пустыню Сахару и знающий,

как свои пять пальцев, все ее укромные уголки, общавшийся накоротке со знаменитейшими погонщиками, скажу вам так. В наш лживый век, насыщенный чудесами пластической хирургии, горбы очень легко спрятать – ампутировать и пришить затем, вы догадываетесь – куда. Нет, пока не откроются до сих пор засекреченные архивы, утверждать, что этот тип – не верблюд, я не считаю возможным. Но даже если злосчастные архивы откроются (во что я не верю) и он принесет нам справку – сможет ли эта справка разрешить поставленный вопрос? Конечно, нет! Общеизвестно, что справку о неверблюдстве ТАМ дают только своим... Тем более, что есть косвенные улики, подтверждающие верблюдство Таинственного Незнакомца. Этот господин всегда появляется на людях в плотно зашнурованных ботинках. Еще никто не видел его босым. Вы понимаете, что я веду речь о тщательно скрываемых копытах. Обратите внимание, когда он ходит, раздается характерное цоканье... А теперь посмотрите на его фотографию, на мясистые губы, словно изготовившиеся для плевка... Однажды я случайно оказался в тени дерева и, будучи скрыт в его густой листве, был свидетелем того, как этот субъект, воровато оглянувшись, набрал в рот слюны и сплюнул, причем плевков его был столь обилён, что это сразу же навело меня на размышления... К тому же большая часть плевка попала, к несчастью, на меня! Я чуть не задохнулся от отвращения, но

не издал ни единого звука и даже не пошевелился, чтобы не
выдать своего присутствия... » (На этом записки обрываются.)

2015

